
© 2005 Н.И. Пшиканоква

УДК 332.1

ББК 65.049 (2 Рос)

П 93

Структурные реформы региональной экономики: сущность, трансформация форм хозяйства, сдвиги в профилирующих группах отраслей

Аннотация:

В статье раскрывается содержание, определяются особенности реформы как объекта регионального управления, отмечаются доминанты экономической реформы. Выявлена роль инфраструктуры в управлении социально-экономическим комплексом региона. Являясь средним звеном управления, инфраструктура по своему характеру и состоянию обуславливает уровень, содержание эффективности и, в целом, формирование в регионе адекватных реальности форм хозяйствования.

Ключевые слова:

Особенность реформ, инфраструктура, трансформация, региональная экономика, эффективность, доминант, воспроизводство, ментальность, мониторинг, коллективист, депрессивный, маркетинг, инвестиции.

Содержание и особенности реформы как объекта регионального управления

Исследование структурной реформы необходимо предварить посылкой об общих экономических преобразованиях, так как она является составным элементом последних. Трансформационные изменения всех отношений собственности и форм хозяйствования невозможны без участия государства и его иерархических административно-территориальных подразделений. Та совокупность мер, решений, которые принимаются федеральными, региональными и местными органами власти, а также хозяйствующими субъектами для определения приоритетов реструктуризации экономики и технологического обновления производства, составляют содержание экономической реформы.

Анализ зарубежной и отечественной литературы показывает, что в ряде научных исследований излагается обобщенный опыт рыночных реформ в различных странах, региональная специфика социальных и национальных проблем. Особое место в этом ряду занимают труды В.Н. Лексина, А.Н. Швецова, Б.З. Мильнера, посвященные непосредственно региональной политике. В то же время все работы в российской экономической науке и литературе можно разделить на две группы по признаку определения характера и содержания моделей реформ. В данном контексте первая группа работ описывает преимущества радикальных, шоковых изменений и составляет содержание либерально-рыночной модели реформ (Е.Т. Гайдар, Е.Г. Ясин, А.Н. Илларионов и др.). Исходя из доктрины «Вашингтонского консенсуса», Е.Т. Гайдар полагает, что механизм рыночного саморегулирования является единственно возможным, а разработка подробного плана трансформации экономической системы перед реформой невозможной.

Экономические преобразования, изложенные представителями институционально-государственной

модели реформ, подразумевают постепенные, длительные, учитывающие социальную психологию населения трансформации. Вторая модель наиболее полно сформулирована такими российскими учеными как Л.И. Абалкин, С.Ю. Глазьев, Д.С. Львов, В.Н. Овчинников. По мнению данных экономистов, доминантой экономической реформы является ее полезность, а также учет, наряду с экономическими, правовых, поведенческих, организационных факторов.

Вопрос о вмешательстве государства в экономические процессы вышеперечисленные оппоненты решают таким образом: либерально-рыночная концепция исходит из необходимости всемерного сокращения вмешательства иерархических структур.

Институционально-государственная концепция границы централизованного государственного регулирования связывает с закономерностями развития технологических укладов. По нашему мнению, для понимания самого содержания, критерия эффективности и методов измерения реформ наиболее адекватным является вторая концепция.

В публикациях новейшего периода реформа в регионе объясняется преимущественно темпами экономического роста, а ее критерием считается динамика валового регионального продукта, в том числе на душу населения, экономический потенциал региона, связанный с прогнозом увеличения ВРП, конкурентоспособность экономики региона, которая выражается в положительном сальдо торгового баланса. В этой связи весьма показательным является тезис Ю.В. Яременко о характере структурных изменений и общих темпов развития экономики.

Аналогичной точки зрения придерживается и Килин П.М., который, как и Ю.В. Яременко, утверждает, что общие темпы развития экономики являются вторичными, производными от первичных, то есть характера структурных изменений и, следовательно, структура региональной экономической системы

представляется как многокомпонентный набор показателей, характеризующих ВРП отраслей региональной экономики за определенный период времени. Несмотря на близость приведенного метода показателю анализа структурной динамики, используемого европейской экономической комиссией при ООН, следует заметить, что он не позволяет объяснить тенденции экономического роста и закономерности изменения экономических структур, так как характеризует изменение пропорций между составляющими двух экономических агрегатов, а не их взаимное увеличение или уменьшение, (экономические агрегаты здесь: структура региональной экономической системы и ВРП отраслей региональной экономики за определенный период времени; в сущности, эти измерители одинаковы).

Подробное изучение других математических методов измерения структурной динамики (например, на основе коэффициента – косинуса, коэффициента корреляции связей между факториальными показателями и динамикой ВРП, ранжирования динамических характеристик экономических систем) показало, что, и они не решают обозначенную выше проблему.

По нашему мнению, вопрос об измерении и управлении структурными реформами в регионе может быть решен при наличии определенных методологических посылок, а именно: во-первых, в современных условиях региональная экономика представляет собой открытую стохастическую систему, которую невозможно охарактеризовать лишь количественными методами, базируясь на закономерностях воспроизводства ВРП. Инвестирование отдельных отраслей экономики региона является не закономерным, а чаще всего случайным процессом, так как вероятность вложения капитала в ту или иную сферу определяется инвестиционным климатом, который включает наряду с экономическим и человеческий, и поведенческий аспекты. На наш взгляд, главным недостатком существующих моделей воспроизводства ВРП является их ориентация на максимизацию роста последнего, что не позволяет решать современные региональные проблемы. Устойчивое развитие региона невозможно ни при какой модели, если она не учитывает наличие значительного теневого и криминального предпринимательства, в котором нивелированы общечеловеческие морально-этические нормы и преобладают иждивенческие по отношению к государству настроения. В этой связи, мы разделяем позицию авторов моделей, в которых доминирует социально-экономический подход.

Во-вторых, структурная реформа в регионе обуславливает кардинальные изменения во многих его сферах, включающих: распределении хозяйственных единиц по формам собственности и организационно-правовому статусу; соотношении различных технологических укладов; структуре рабочих мест по видам и формам занятости; размещении производительных сил (город и село, центр субъекта РФ и его районы и т.д.); внешнеэкономической деятельности; уровне образования, квалификации и стандартах поведения экономически активного населения; соотношении ВРП в производственной и непроизводственной структурах; отраслевой структуре хозяйства (последний признак чаще всего используется при анализе структурных реформ в депрессивных регионах).

В работах, опубликованных во второй половине 90-х годов прошлого столетия при анализе региональной экономики отдается предпочтение также ее отраслевой структуре, восстановлению конкурентоспособности предприятий и организационной структуре управления. Безусловно, что эти все аспекты важны, однако, по нашему мнению, структурная реформа в современных условиях должна быть связана, в первую очередь, с изменениями отношений собственности и форм хозяйствования. При этом необходимо исходить из посылки не о преимуществах той или иной формы собственности, а ее месте на региональном рынке, из того в какой нише рынка она дает наиболее полный экономический эффект. Особую роль при этом играют механизм хозяйствования и качество регионального менеджмента.

Важное место в проведении структурных реформ, особенно в аграрных регионах Южного Федерального Округа, занимают реформы на селе. За последние чуть более десяти лет аграрной реформы в России фермерский сектор не получил широкого развития, главными причинами чего явились нехватка финансовых средств (недостаточная бюджетная и инвестиционная поддержка) и отсутствие лизинга техники. Наличие же технологической многоукладности в экономике региона и, в частности, в депрессивных регионах, объясняется общим технологическим отставанием.

По нашему мнению, модернизация региональной экономики в этом контексте должна осуществляться через концентрацию ограниченных ресурсов субъекта Федерации на точках роста, приоритетных направлениях, ориентированных на освоение современных технологических укладов и включение в межрегиональное и международное разделение труда. Наиболее типичными ошибками региональной политики в данном случае являются политическая автаркия, обуславливающая обособление от внешней экономики, или попытка использовать опыт последних лет мировых лидеров научно-технического прогресса. В данном аспекте мы разделяем точку зрения экономистов, трактующих развитие социальной и информационной инфраструктуры региона, человеческого капитала, инвестиционного и инновационного климата, эффективного предпринимательства в качестве главного пути преодоления технологического отставания (Оппенлендер К.).

В ряде работ (Львов Д., Дятлов С.) обосновывается необходимость внедрения такой модели развития, которая основана на повышении покупательной способности и культуры населения, как основного условия экономического роста. По мнению данных экономистов инвестиции в человеческий фактор должны осуществляться по следующим направлениям: во-первых, инвестиции общества в образование, здравоохранение, культуру; во-вторых, инвестиции предпринимателей в обучение и подготовку персонала; в-третьих, затраты времени и средств граждан в свое собственное развитие. Как известно, такая модель используется в развитых странах. В частности, в Японии в период 50-х-80-х годах прошлого века цена единицы капиталовложений возросла в два-четыре, а рабочей силы – более 15 раз; в США в период 1947-1989 годах расходы на воспроизводство основного капитала выросли в 3,7 и рабочей силы – в 5,3 раза, при этом расходы на науку – в 13 раз. В России же все

эти годы и тем более в 90-х годах XX столетия соотношение было обратным. Лишь в 2000-2003 годы проблемам изучения и повышения уровня человеческого развития, как на федеральном, так и региональном уровне стало уделяться больше внимание (Биктимирова З., Иванов Ю.).

Структурная реформа в экономике охватывает множество аспектов, однако наиболее важным является модификация форм собственности. Здесь следует отметить, что в экономической (как зарубежной, так и отечественной) науке широко представлен анализ итогов приватизации и использования доходов от приватизации в России. Массовая и поспешная приватизации средних и крупных предприятий в 1993-1995 годах, которая была осуществлена без соответствующих обоснований и оценок реальной цены предприятий (как известно, учитывалась только балансовая стоимость имущества в 1992 году без оценки нематериальных активов, промышленных прав, поправок на инфляцию т.д.), при отсутствии должной законодательной базы привела не к повышению эффективности производства, а к неоправданному разделению сложившихся научно-производственных коллективов, потере рынков и остановке предприятий. В этих условиях произошел передел собственности в пользу анонимных владельцев, не располагающих современными технологиями и не заинтересованных в проведении структурных реформ. В то же время в большинстве случаев не были выполнены условия инвестиционных конкурсов, что создает юридическую основу для пересмотра результатов приватизации.

Анализ условий организации проведения структурных реформ показывает, что их проведение затруднено из-за большой доли недежных форм расчетов. Например, в 1998 году три четверти оборота приходилось на взаимозачеты и бартер (в том числе 53% - на бартер), а одна четверть - на денежные расчеты. Следует, однако, отметить, что после кризиса 1998 года все показатели немонетарной экономики (неплатежи, бартер, денежные суррогаты) неуклонно снижаются (Регионы России. 2003 г.).

В-третьих, эффективность решения проблемы измерения и управления структурными реформами может быть достигнута лишь при правильном методическом и методологическом содержании ее критериев и показателей. В понятийном отношении критерий трактуется как мера, при помощи которой можно оценить и сопоставить различные состояния системы, степень соответствия конечных результатов процесса заранее заданной цели. В отношении критерия эффективности структурных региональных реформ в экономической литературе отсутствует однозначное определение: он оценивается либо по развитию производительных сил, либо по изменению хозяйственных отношений и снижению темпов инфляции (Резников Л., Мау В.). По нашему мнению, более адекватной является третья точка зрения, согласно которой содержание реформ связано с преобразованием всей системы социально-экономических отношений (Переходная экономика: закономерности, модели и перспективы).

Рекомендованная в 1993 году регионам государственная единая система показателей хода реформ имеет существенный недостаток: она характеризует лишь формальные результаты приватизации, но не отражает

степень достижения цели реформ. Стабильность региона должна определяться не только динамикой ВРП, но и показателями, характеризующими поведение его жителей и хозяйственных субъектов (например, количество фирм и предпринимателей в расчете на тысячу населения, удельный вес теневой экономики, число студентов и слушателей системы повышения квалификации и последипломного образования, преступность, масштабы миграции за пределы региона и т.д.). Безусловно, что большое значение имеет характер самого региона: для депрессивных регионов наиболее адекватным показателем является прекращение спада производства и выбор новых точек роста, а для анклавных – самообеспечение и развитие взаимовыгодных внешних связей.

Определение оценки эффективности и выбора модели региональных реформ должно быть ориентировано на экономику благосостояния, то есть той отрасли экономической науки, которая обосновывает управленческие решения с акцентом на интересы различных социальных групп и общества в целом (безусловно, что она учитывает и чисто рыночные показатели). Генезис этой теории берет начало во взглядах А.Смита (рынок – это средство увеличения общественного богатства), развита К.Марксом (всестороннее развитие личности как главный критерий прогресса общества и его производительных сил). Последнее десятилетие XX века характеризуется повышенным вниманием к человеку как субъекту экономических отношений, акцентированием этических аспектов экономической теории (Автономов В.С., Блауг М., Макашева Н.А.).

Реальная оценка эффективности реформ должна быть определена совокупностью экономических, экологических, этических критериев, а благосостояние населения – качеством жизни каждого гражданина. По нашему мнению, любая экономическая реформа, а не только структурная, должна удовлетворять, прежде всего, личные потребности, а оптимальность условий производства и обмена должна определяться индивидуальными предпочтениями и национальными традициями.

Международная статистика ООН использует индекс развития человека, учитывающий по каждой стране и региону три показателя (среднюю продолжительность жизни, уровень грамотности, доход на душу населения). Критерий же эффективности структурной реформы определяет выбор ее стратегии.

Стратегия структурной реформы в экономике Республики Адыгея в качестве главной цели ориентирована на повышение уровня жизни основной массы населения, путем обеспечения его эффективной занятости, и роста квалификации. Здесь следует отметить, что в депрессивном регионе в условиях кризиса особую значимость приобретает государственное регулирование, развитие экономической демократии, которая основана на сотрудничестве местных органов власти с хозяйственными объединениями, профсоюзами и другими общественными организациями. В данном контексте важен контроль над распределением доходов между различными социально-этическими группами, создание адекватной системы мотивации к труду и этики бизнеса. По нашему мнению, здесь можно использовать элементы кейнсианского государственного регулирования и современного институционализма.

Критерием эффективности экономических реформ является также трансформация экономических систем или транзитивный период, который должен быть ориентирован на улучшение системы, обеспечивающей оптимальное развитие человеческого капитала. Исходя из работ экономистов-монистов Визера, Парето, Оукена, можно утверждать, что реальные экономические системы являются смешанными, сочетающими капиталистические (конкурентные) и социалистические (коллективистские) черты. Следовательно, таким системам присущ закон возвышения потребностей, которые составляют основу экономических интересов и стимул производства и в конечном итоге генеральным критерием эффективности реформы экономической системы является наиболее полное удовлетворение личных потребностей.

Организационной основой структурных реформ является разработка и реализация региональной комплексной программы. Для депрессивных регионов и, в частности, Республики Адыгея, главная проблема состоит в том, чтобы от односторонней отраслевой ориентации перейти к производству экономических благ с высокой добавленной стоимостью, требующих формирования в регионе новых рабочих мест квалифицированного труда. В отношении Республики Адыгея структурная политика в АПК, сфере услуг и легкой промышленности в условиях транзитивной и нестабильной экономики должна ориентироваться на растущее разделение спроса семей с различным уровнем дохода на различный ассортимент и качество экономических благ. При этом важно, чтобы и наименее обеспеченные слои населения по натуральным показателям душевого потребления были бы обеспечены минимумом товаров и услуг, необходимых для развития личности.

Реальная структурная политика в таких регионах, как Республика Адыгея, в современных условиях должна базироваться только на определении приоритетов, точек экономического роста, способных повысить инвестиционный потенциал экономики, создать новые рабочие места и, при прочих равных условиях, снизить социальную напряженность, характерную для большинства субрегионов Северного Кавказа. К числу таких точек роста в Республике Адыгея можно отнести: изменение структуры севооборота в сторону преимущественного производства овощей и технических культур, глубокую переработку экологически чистого сельскохозяйственного сырья, малую энергетику, развитие инфраструктуры туризма и транспорта.

Важным показателем эффективности структурных реформ в регионе является развитие кадрового потенциала, инвестиционного, инновационного и предпринимательского климата, отношений межнационального сотрудничества. Однако экономическая реформа, как на макро, так и мезоуровне осуществляется без глубокого научного обоснования целей, способов достижения и оценки полученных результатов, свидетельством чего является проведенная приватизация и ее негативные результаты. В отличие от России и ее регионов, в странах Восточной Европы, а также Китае была проведена обоснованная политика приватизации, которая не являлась простой сменой вывески путем почти бесплатной передачи государственной собственности частным лицам, не имеющим ни опыта, ни желания модернизировать производство. В этих странах темпы

приватизации были намного ниже, чем в России, государственные предприятия стали действовать как равноправные рыночные субъекты, в то же время государственное регулирование естественных монополий, хозяйственного законодательства и социальной сферы стало осуществляться в полной мере.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать общий вывод о том, что конечные результаты структурных реформ в регионе, несмотря на сильную зависимость, не всегда сводятся к макроэкономическим итогам.

Структурные реформы в республиках Северного Кавказа, в том числе и Республике Адыгея, имеют определенную ментальность, связанную, прежде всего, с преодолением кризиса занятости. Однако и здесь имеются определенные различия, обусловленные особенностями социально-экономической ситуации в каждом субрегионе.

Во-первых, однобокая специализация по добыче и переработке стратегического сырья, созданная в 50-х-80-х годах XX столетия, не решила проблемы обеспечения занятости местного населения и насыщения товарного рынка региона. С конца 80-х годов здесь начался глубокий спад в экономике, обусловленный свертыванием деятельности предприятий ВПК и сокращением госзаказов.

Во-вторых, специфика демографической ситуации, характеризующаяся в ряде субрегионов высокой рождаемостью, многодетностью семей и высоким удельным весом безработной молодежи, особенно в горных и предгорных районах, где рабочие места практически не формируются. Однако здесь следует отметить, что такая особенность не была характерна для исследуемого региона, то есть Республики Адыгея, где темпы роста населения обусловлены преимущественно миграционными потоками. С 1991 года миграция населения стала единственным источником роста численности населения республики. Мигранты в основном прибывают из районов межнациональных конфликтов и войн. Так, в 1988-1992гг. это были беженцы из бывшего СССР. За это время их число составило 44 тыс. чел. С 1995 года – это беженцы из Ингушетии, Чечни и других регионов. В настоящее время число мигрантов составляет более 10% населения республики. Среди мигрантов низка доля высококвалифицированных специалистов, невысок образовательный уровень, вследствие чего они не могут составить серьезной конкуренции на рынке труда коренному населению. Они ориентированы на занятость в домашнем хозяйстве или на занятие уже существующих рабочих мест, а не создание новых. Все это в совокупности со слабым здоровьем прибывающих, их деформированной психикой, снижает деловую активность в регионе, оказывает негативное воздействие на социальные процессы и психологию населения.

В-третьих, большинство субъектов Южного федерального округа, в том числе и Республика Адыгея, характеризуется высокой (более 20%) долей занятости в сельском хозяйстве и его преимущественно натуральным характером, что обусловлено отсутствием налаженной системы сбыта в другие регионы и крупные индустриальные центры, особенностями коллективизации, экстенсивным характером сельскохозяйственного производства.

В-четвертых, усиление влияния в регионе других государств (Турция, Иран, Саудовская Аравия, США), а также зарубежных радикальных религиозных группировок

(ваххабиты и др.), которые располагают большими финансовыми ресурсами.

В-пятых, высокий удельный вес доходов от теневого бизнеса, в том числе криминального (контрабанда из стран Закавказья, оружие, наркотики, похищение людей и т.д.).

Ментальность депрессивных субрегионов Северного Кавказа обуславливает необходимость создания системы мер, которые должны поддержать и помочь этим субъектам Федерации в проведении структурных реформ. По нашему мнению, основными средствами здесь должны стать нижеследующие.

Во-первых, предоставление особого экономико-правового статуса для тех предприятий, которые функционируют в регионе, независимо от места их регистрации. Такой статус должен давать право на инвестиционный кредит, налоговые и таможенные льготы.

Во-вторых, квоты при распределении государственных заказов, в том числе на поставки продовольствия в федеральные фонды и крупные города (эта мера особо важна для Республики Адыгея, где практически отсутствует система сбыта сельскохозяйственной продукции).

В-третьих, государственное содействие в привлечении инвестиций (государственные гарантии и страхование политических рисков), реструктуризации предприятий, переподготовке кадров, проведении инвестиционных торгов и эмиссии акций.

В-четвертых, разработка и реализация федерально-региональных инвестиционных программ на приоритетных для региона направлениях (энергетика, дороги, услуги и туризм, АПК и т.д.).

С середины 90-х годов прошлого столетия в депрессивных регионах, как и в большинстве регионов России, началось разрушение инвестиционного и инновационного потенциалов. После кризиса 1998 года произошло ускорение данного процесса. Некоторые из них стали зонами экологического бедствия, высокого уровня безработицы, особенно среди молодежи, ускоренной миграции населения. В депрессивных регионах, где преобладает коренное нерусское население, появились тенденции сепаратизма, что превращает структурную реформу в них в важнейшую социально-экономическую и геополитическую проблему. Решение этой проблемы, очевидно, невозможно только за счет увеличения бюджетных дотаций, которые не всегда используются эффективно. В данном случае необходима разработка региональной стратегии структурных реформ, реализуемой с помощью и Центра, и других регионов, на взаимовыгодной основе, с обязательствами расширения поставок в эти регионы нужных для них экономических благ, с созданием новых рынков и т.д.

Роль региональной инфраструктуры в управлении социально-экономическим комплексом региона

Уровень, содержание эффективность и, в целом, формирование в регионе адекватных реальности форм хозяйствования и благоприятного инвестиционного климата также обусловлены характером и состоянием инфраструктуры, которая является средним звеном управления. Через инфраструктуру региона органы власти субъекта Федерации осуществляют влияние и воздействие на рыночные хозяйственные субъекты.

Данный вопрос чаще всего рассматривается учеными в контексте обоснования роли среднего звена управления, мезоструктуры и соответствующих хозяйственных объединений (концернов, холдингов, консорциумов, картелей, синдикатов: И.П. Бойко, С.Ю. Глазьев, Д.С. Львов, В.Н. Овчинников, Ф.Ф. Рыбаков и др.) в создании регулируемой рыночной экономики.

Исходя из множества определений рынка, как экономической категории, его можно рассматривать как сферу обмена (реализации) экономических благ, механизм передачи прав собственности на экономические блага. Главными характеристиками рынка здесь являются добровольность обмена и возможность свободного использования товаров в соответствии с действующим законодательством, сложившимися традициями и обычаями народа прав и ограничений. Именно данные качества обуславливают необходимость учета и прогнозирования поведения независимых экономических агентов, а также связанных с этим транзакционных издержек, то есть расходов по поиску партнеров, заключению и контролю исполнения контрактов. При этом выбор той или иной формы транзакции осуществляется под давлением конкуренции.

Рыночная инфраструктура, по нашему мнению, на уровне региона выражается в совокупности учреждений и институтов социально-экономической ориентации, создающих условия для передачи прав собственности, а также способствующих процессу обмена на данной территории и адекватных конкретной социально-экономической ситуации. В данном контексте важно, что институты обладают не только экономическими функциями, но и силовыми, контролирующими установленными органами власти структурные приоритеты, регулирующие трудовую мотивацию, а также виды и методы хозяйственной деятельности. Действие подразделений инфраструктуры распространяется на всех хозяйственных субъектов в регионе, а его учреждения могут относиться к разным формам собственности (государственной, муниципальной, смешанной, частной), однако все они контролируются органами власти. Естественно, что их продуктом является преимущественно услуга (а не товар).

Сущность макроэкономической сферы и особенности ее влияния на субъекты хозяйствования в современных условиях рассмотрены в ряде работ отечественных и зарубежных ученых: И.П. Бойко, Е.Т. Гайдара, С.Ю. Глазьева, А.Н. Илларионова, В.Д. Камаева, В.Н. Лексина, В.А. Мау, Ф.Ф. Сутырина, Г.Я. Явлинского; Я. Корнаи, М. Олсон, А. Ослунд, Дж. Сакс и других. В то же время моделирование стратегии развития региональной экономики на основе взаимосвязи рыночных отношений и государственного регулирования до сих пор является предметом научных дискуссий.

Структуру региональной рыночной инфраструктуры составляет множество элементов, главными из которых являются нижеследующие: транспортный, коммуникационный, связь, финансовый, научно-инновационный, экспертно-консультационный, содействия малому бизнесу, социальный, экологический и институциональный.

Несмотря на, безусловно, важные функции, транспортно-коммуникационной инфраструктуры, геополитическое расположение Республики Адыгея не

позволяет рассматривать ее в качестве доминирующей в данном регионе. Для ряда субрегионов Северного Кавказа (Краснодарский край, Ставропольский край, Северная Осетия, Дагестан и др.) особое значение этого элемента обусловлено прохождением здесь кратчайших путей из Северной Европы и Центра России в Закавказье, а через них в Турцию и Иран. Наряду с этим актуализируется проблема качественной связи, выражающаяся в необходимости переоборудования систем связи на основе современных телекоммуникационных технологий с использованием цифровой техники, оптико-волоконных линий, проложенных по транспортным сетям, подключения предприятий и жилищ к единой информационной сети.

Ряд ученых, рассматривая элементы рыночной экономики и, в частности, транспортно-коммуникационный, предлагает изменить существующее районирование России, переходя от административного к межрегиональному принципу организации. По нашему мнению, наиболее предпочтительным (за исключением социальной инфраструктуры) в данном контексте принципом является создание в рамках Южного федерального округа межрегионального.

Финансовый рынок, объединяющий денежный рынок и рынок капитала, представляет собой важный элемент структуры рыночной экономики. Успешность вхождения рынка в единое экономическое пространство на макроэкономическом уровне во многом зависит от соотношения кредитов, портфельных и прямых инвестиций, связанных с созданием новых фирм или получением контрольного пакета уже действующих предприятий. Из двух видов инвестиций более эффективными являются прямые инвестиции, которые обладают рядом преимуществ над портфельными: способствуют получению средств для погашения кредитов и займов, следовательно, не увеличивают внешний долг; являются источником целевых вложений в форме средств производства и технологий; обеспечивают международный менеджмент и маркетинг, формируя производственную, научно-техническую и сбытовую связь с иностранными фирмами и т.д.

Анализ региональной финансовой инфраструктуры в России показывает, что она состоит из ряда элементов. Во-первых, региональные отделения и филиалы Казначейства, Центрального банка России, Банка реконструкции и развития, Министерства по налогам и сборам, Комиссии по ценным бумагам и других центральных финансовых ведомств государства. Во-вторых, региональные коммерческие банки. В-третьих, страховые общества. В депрессивных регионах особое значение приобретает создание специальных фондов страхования инвестиций в приоритетные направления и районы, что позволит отказаться от действующей в регионах системы финансовых гарантий за счет бюджета, выдающиеся через решение исполнительной власти (а не на законодательной базе). Сочетание гарантий бюджета, государственных и негосударственных страховых компаний в страховании инвестиций уменьшит вероятность потерь.

В-четвертых, товарные, фондовые и валютные биржи, деятельность которых наиболее эффективна на межрегиональной основе при налаженной телекоммуникационной связи с аналогичными (например, зерновыми, сырьевыми) биржами России, СНГ, других стран.

В-пятых, финансово-промышленные группы, которые в развитых странах давно играют особую роль в экономической интеграции регионов (например, в химической промышленности – Дюпон, промышленности и энергетике – Эдисон, сети железных дорог – Вандербильт и др.). Эти финансово-промышленные группы явились научно-техническими центрами, имеющими передовые технологии и крупные вложения в отечественную экономику. В то же время они являются координаторами, согласующими интересы отдельных регионов на основе системы контрактов, инвестиций, межхозяйственных связей.

В Российской Федерации на начало XXI века функционировало более 100 финансово-промышленных группировок, объединивших более 100 банков, банковских холдингов и более 1000 промышленных и строительных компаний. По мнению ряда экономистов, большинство из них созданы в процессе приватизации для передела собственности, контроля финансовых потоков, СМИ, поэтому не являются конкурентоспособными конгломератами. Капиталы ФПГ созданы в результате валютных операций, операций с ГКО, сделок на межбанковском рынке, перепродажи полученной почти бесплатно государственности, экспорта сырья и импорта продовольствия, лекарств, средств роскоши.

Почти до 1998 года они проявляли активную деятельность, бесконтрольно распоряжаясь госпакетами акций и присваивая дивиденды. Лишь после известного кризиса 1998-1999 годов финансово-промышленные группы практически прекратили интенсивную деятельность. В данном контексте в России формирование и развитие инфраструктуры, а также единого экономического пространства составляют неосвоенную нишу, которую могут заполнить межрегиональные корпорации (некоммерческие организации), которые создаются самими субъектами России и заинтересованные коммерческие структуры, в том числе, возможно, иностранные инвесторы.

В-шестых, научно-техническая, образовательная и предпринимательская инфраструктура, которая занимает особое место в управлении региональной экономикой. Структура научно-технического комплекса Республики Адыгея включает несколько составляющих: кадровую, материально-техническую, информационную, организационную. В этой связи представляется целесообразным включение в первую группу научных работников, осуществляющих свою трудовую деятельность на компьютеризированных рабочих местах.

Большое значение для развития региональной социальной инфраструктуры имеет изменение характера и принципов распределения социальных льгот. В Республике Адыгея большая часть расходной части бюджета приходится на дотации жилищно-коммунальному хозяйству, городскому транспорту и т.д., которыми пользуются не действительно нуждающиеся, а все городские жители. Здесь важно, чтобы в короткие сроки перейти от всеобщей к адресной системе социальных льгот.

По оценкам маркетологов на содержание жилищно-коммунального хозяйства используется 25% всех социальных расходов России и 40% расходов местных бюджетов. Несмотря на это две трети предприятий этих хозяйств убыточны. Трудозатраты в теплоснабжающих предприятиях в 15-17 раз выше, чем в сопоставимых по

климату странах Скандинавии, расход воды на душу населения – в 2-3 раза выше. Прямые потери тепла и воды составляют 40% их расхода.

В то же время уменьшение объемов инвестиций, как отмечено выше, негативно влияет на социально-экономические показатели, в частности, на ввод в действие жилых домов (см. таблицу 1).

За период 1995-2003 годов данный показатель снизился почти в полтора раза. Так, например, в 1995 году данный показатель в пересчете на 1000 человек населения составлял 278 кв. м общей площади, в 1996 году – 233, в 1997 году – 223, в 1998 году – 209, в 1999 году – 219, в 2000 году – 209, в 2001 году – 220, в 2002 году – 236, в 2003 году – 252 по РФ. Выявленная тенденция отмечается также и на

уровне регионов. В частности, по Республике Адыгея ввод в действие жилых домов на 1000 человек населения в этот же период составлял (в кв. м общей площади; в скобках показатель по ЮФО) соответственно: 220 (257); 151 (226); 179 (226); 156 (222); 195 (237); 152 (224); 165 (235); 266 (246), 130 (231). По данному показателю Республика Адыгея в 2003 году заняла 61 место в Российской Федерации и 11 место в ЮФО. Указанная динамика ввода в действие жилых домов свидетельствует о необходимости увеличения объемов инвестирования, как в строительство новых объектов жилищного фонда, так и в обновление, восстановление старого жилищного фонда.

Таблица 1

Ввод в действие жилых домов (тыс. кв. м общей площади)¹

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Российская Федерация, млн. м ²	41,0	34,3	32,7	30,7	32,0	30,3	31,7	33,8	36,4
ЮФО	5565	4894	4887	4794	5109	4833	5060	5282	5279
Республика Адыгея	99	68	81	70	88	68	73	118	58
Республика Дагестан	399	398	436	354	285	433	568	485	520
Республика Ингушетия	40	39	66	11	15	15	25	14	20
Кабардино-Балкарская Республика	81	143	165	168	77	193	206	210	214
Республика Калмыкия	51	46	42	43	70	37	77	64	50
Карачаево-Черкесская Республика	115	127	147	170	105	50	75	66	69
Республика Северная Осетия-Алания	49	87	145	130	131	135	164	134	136
Чеченская Республика	104	-	-	-	-
Краснодарский край	1578	1410	1437	1449	1589	1392	1440	1645	1580
Ставропольский край	1021	817	814	737	779	668	573	591	633
Астраханская область	339	340	368	420	472	485	496	521	582
Волгоградская область	638	463	418	399	465	401	407	450	412
Ростовская область	1051	956	768	843	933	956	956	984	1005

Исходя из вышеизложенного, можно резюмировать о необходимости реформы системы жилищно-коммунального хозяйства, как на макро, так и мезоуровнях. Эта реформа в регионе включает несколько этапов, включающих: разграничение функций собственника - домовладельца, службы заказчика и обслуживающих предприятий, а также функций финансирования и контроля деятельности предприятий; дифференциацию оплаты жилья и тарифов на услуги в зависимости от их качества с учетом расходов на ремонт жилого фонда; постепенное увеличение доли затрат на услуги жилищно-коммунального хозяйства, оплачиваемых потребителями, с одновременным адресным субсидированием малоимущих

(такая практика постепенно внедряется в Республике Адыгея); создание реальной конкуренции предприятий ЖКХ различных форм собственности; массовое производство и установку приборов для учета регулирования расхода энергии, воды, тепла, газа при дифференциации тарифов по времени суток, в зависимости от соблюдения нормативов расхода и т.д. Для Республики Адыгея актуально выделение экологической инфраструктуры и повышение роли местной власти в нормировании выбросов в окружающую среду, организации мониторинга.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003, 2004: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2003, 2004. – С. 594, 629.